

Истина проходит через три стадии: сначала ее высмеивают, потом ей яростно сопротивляются, и, наконец, принимают как очевидное.

В действительности же лучше всего можно сравнить взаимное отношение воли и интеллекта с могучим слепцом, носящим на своих плечах парализованного зрячего.

Быть бесполезным — это характерная черта произведений гения: это его грамота на благородство.

Возвышенность духа ведет к необщительности.

Только тот писатель приносит нам пользу, который понимает вещи яснее и пронизательнее, чем мы сами, который ускоряет нашу мысль, а не задерживает ее.

Быть потрясенным тем, насколько глубоко отвержен, значит игнорировать то, что подразумевает принятие. Мы

никогда не должны допускать, чтобы наши страдания усугублялись предположениями о том, что в таком глубоком страдании есть что-то странное. Было бы что-то не так, если бы мы этого не сделали.

Вежливость есть безмолвное взаимное соглашение — обоюдно друг в друге игнорировать и не выставлять нравственно и умственно жалких мизерных свойств человеческих, вследствие чего этим последним несколько труднее обнаруживаться.

Во всех явлениях отдельные люди всегда чувствовали истину, и она находила себе выражение в отдельных изречениях, пока не была понята мною в своей общей связи.

В мире, за редкими исключениями, только и есть выбор между одиночеством или пошлостью.

Только в Лондоне восемьдесят тысяч проституток, и что это, если не кровавые жертвы на алтаре моногамии?

Безграничное сострадание ко всем живым существам является самой верной и надежной гарантией чистого нравственного поведения и не нуждается в казуистике. Тот, кто наполнен ей, несомненно, никому не причиняет вреда, не покушается на права человека; он скорее будет заботиться о каждом, прощать каждого, помогать каждому, насколько он может, и все его действия будут носить печать справедливости и любящей доброты. В прежние времена английские пьесы заканчивались петицией для короля. Старые индийские драмы заканчиваются этими словами: «Пусть все живые существа

будут избавлены от боли». О вкусах не спорят; но, на мой взгляд, нет более прекрасной молитвы, чем эта.

В той самой степени, в какой усиливается отчетливость познания и возвышается сознание, возрастает и мука, и, следовательно, своей высшей степени достигает она в человеке; и здесь опять-таки она тем сильнее, чем яснее познает человек, чем он интеллигентнее: тот, в ком живет гений, страдает больше всех.

Когда я слушаю музыку, мне часто представляется, что жизнь всех людей и моя собственная суть сновидения некоего вечного духа и что смерть есть пробуждение.

Великие умы связаны с коротким промежутком времени, в течение которого они живут, как великие здания с небольшой площадью, на которой они стоят: вы не можете видеть их во всей их величине, потому что вы стоите слишком близко к ним.

За то, что один испытал наслаждение, другой должен жить, страдать и умереть.

В этом и заключается сила истины: ее победа трудна и мучительна, но зато, однажды одержанная, она уже не может быть отторгнута.

В математике ум исключительно занят собственными формами познания — временем и пространством, следовательно, подобен кошке, играющей собственным хвостом.

В нас существует нечто более мудрое, нежели голова. Именно в важные моменты, в главных шагах своей жизни мы руководствуемся не столько ясным пониманием того, что надо делать, сколько внутренним импульсом, который исходит из самой глубины нашего существа.

Воля человеческая направлена к той же цели, что у животных: к питанию и размножению. Но посмотрите, какой сложный и искусный аппарат дан человеку для достижения этой цели, сколько ума, размышления и тонких

отвлеченностей употребляет человек даже в делах обыденной жизни! Тем не менее и человеком, и животными преследуется и достигается одна и та же цель. Для большей ясности приведу два сравнения: вино, налитое в глиняный сосуд и в искусно сделанный кубок, остается одним и тем же; или два совершенно одинаковых клинка, из одного и того же металла и в одной и той же мастерской сработанные, могут иметь разные рукояти: один — золотую, другой — из латуни.

В самой полной гармонии можно находиться только с самим собою, не с другом, не с возлюбленной, ибо различие индивидуальности и настроения всякий раз производит некоторый, хотя бы незначительный диссонанс.

Даже самая большая библиотека, если она в беспорядке, не так полезна, как небольшая, но хорошо организованная. Поэтому вы можете накопить огромное количество знаний, но они будут иметь гораздо меньшую ценность для вас, чем гораздо меньшие, но хорошо упорядоченные. Только сравнивая каждую истину с любой другой истиной, вы можете полностью овладеть своими знаниями и получить их в свою силу. Вы можете думать только о том, что

вы знаете, поэтому вы должны чему-то научиться; с другой стороны, вы можете знать только то, о чем думали.

Костры Джордано Бруно и Ванини были еще свежи в памяти: ведь и эти мыслители были принесены в жертву тому Богу, во славу которого было пролито, без всякого сомнения, больше человеческой крови, чем на алтарях всех языческих богов обоих полушарий вместе.

Вежливость — это молчаливое соглашение игнорировать и не подчеркивать друг в друге моральную и умственную нищету.

Вера и знание — это две чаши весов: чем выше одна, тем ниже другая.

Было слишком преждевременно из-за не удававшихся до сих пор попыток оставить надежду на удовлетворяющую философию. Надо было, по крайней мере, допустить мысль, что и здесь *est guadam prodire tenus*¹. Но надо оставить надежду на то, что удовлетворяющая философия, отражение совершенства человеческой мысли, когда-нибудь будет понятна тупой, неразумной, суетной толпе и станет *à la portée de tout le monde est*². Она будет искусством и подобно ему доступна в действительности лишь немногим. Для большинства никогда и не существовали ни Моцарт, ни Рафаэль, ни Шекспир: непроходимая пропасть отделяет их навсегда от толпы, так же как черни недоступна близость князей. Для большинства «Дон Жуан» — только приятный

¹ *Если не дается далекое, возьми то, что под рукой (лат.).*

² *В пределах досягаемости каждого (фр.).*

шум, который они, в общем, мало слушают и на который обращают мало внимания, забавляясь в это время другими вещами; «Мадонна» Рафаэля — такая же картина, как и всякие другие, а Шекспир — неудавшийся Коцебу. Авторитет запрещает им высказывать свое мнение. И с истинной философией не может быть ничего иного.

Беспристрастный читатель, открыв одну из своих книг [Фихте, Шеллинга или Гегеля], а затем спросив себя, является ли это тоном мыслителя, желающего учить, или тоном шарлатана, желающего произвести впечатление, не может быть пяти минут ни в чем сомневающимся. Тон спокойного расследования, который характеризовал всю предыдущую философию, обменивается на непоколебимую уверенность, которая свойственна шарлатанству любого рода и во все времена. На каждой странице и в каждой строке говорится о стремлении обмануть и обмануть читателя, сначала производя эффект, чтобы ошеломить его, затем непонятными фразами и даже явной бессмыслицей ошеломить и одурачить его, и снова смелостью утверждения озадачить. Короче говоря, он бросил пыль в его глаза и мистифицировал его как можно больше.

В каждом, даже самом благородном и высоком человеке есть в задатке совершенно низкие и подлые черты человеческой, даже зверской природы.

Когда человек отнес все страдания и муки в ад, для неба не осталось ничего, кроме скуки.

Внутренняя пустота служит истинным источником скуки, вечно толкая субъекта в погоню за внешними возбуждениями с целью хоть чем-нибудь расшевелить ум и душу.

Аффектирование какого-либо качества, хвастовство им — это признание самому себе, что не обладаешь ими.

Быть одному — судьба всех великих умов. Судьба порой сожалела, но все же всегда выбиралась как менее тяжкое из двух зол.

